

Часть первая

ТРИКС ОБИЖАЕТСЯ

1

Если ты в неполные пятнадцать лет выправил кривду, улучшил правду, завоевал сердце княгини, да еще и совершил Настоящее Чудо — тебе очень хочется, чтобы тебя все и всегда хвалили.

Трикс, единственный и полноправный ученик великого волшебника Радиона Щавеля, имеющий высокий статус преспешника (а ведь преспешник — это уже почти настоящий волшебник), стоял у окна в своей комнатухе на вершине магической башни и дулся.

Нет, он ничуть не жалел, что после всех случившихся за год приключений покинул отцовское герцогство, где ему когда-нибудь придется взойти на трон, и вернулся к Щавелю продолжить обучение. Мыть полы, готовить еду и чистить отхожие места — все это не очень-то приятно, но занятия магией искупают житейские неудобства.

Правда, ничему новому он за последнюю неделю так и не научился — попытка призвать новую саламандру взамен старой, уже почти не греющей воду в котле, закончилась небольшим пожаром, опыты в кулинарной магии (а ведь Щавель изначально был настроен скептически!) привели к расстройству желудка, а простенькое заклинание «таранный камень» вызвало лишь мелодичный грохот и страшные голоса, что-то угрожающе поющие на неведомом языке.

А самое обидное было в том, что Триксу по-прежнему упорно не давалась телепортация. Щавель, похоже, и сам был не слишком в ней силен, но на капитул магов, традиционно созываемый вскоре после Нового года, он все-таки отправился. Один. Оставив Трикса в своей волшебной башне с обидной просьбой не снести ее до основания.

Нет, не так представлял себе Трикс свою жизнь у Щавеля. Новые приключения, тайны, сражения, интриги... Спасение всего мира и княгини Тианы в придачу! Победа над коварными витаминками!

А вместо этого — переписывание старых, утративших силу заклинаний из древних книг и ехидные реплики Щавеля.

И грустное одинокое празднование Старого Нового года, который наступит через каких-нибудь девять часов. Учитель, конечно, Трикса очень ценил, но ради недотепы-ученика он раньше времени с капитула не вернется. А ведь это был праздник особый! Семейный, который полагалось проводить не на улице с друзьями-приятелями, а дома, с родными и близкими...

Надо сказать, что Старый Новый год праздновали только в королевстве. Так повелось со времен короля Маркеля Неожиданного, который прославился необычными реформами — то он ввел две дополнительные части света, то выкинул из алфавита три буквы, а вместо них добавил две другие и новый знак — точку с запятой, то повелел измерять вес не в фунтах, а в каких-то чудных «килах». Что такое фунт все знали прекрасно, это был вес гири, крепящейся на цепочке к церемониальной королевской булаве. А таинственное «кило», по мнению монарха, весило в два с лишним раза больше и равнялось весу одного «литра» пресной воды на уровне моря... вот только придумать, сколько пинт или кварт воды входит в этот самый «литр», чтобы его можно было взвесить и принять за эталон, Маркель Неожиданный так и не успел, охладев к своей затее.

По большому счету все реформы остроумного короля не прижились. Новые буквы из алфавита потихоньку выпали (хотя и старые не вернулись), части света остались только на старых башенных часах в Столице, в лавках все по-прежнему просили взвесить им фунт белого хлеба и налить две пинты молока, а не взвесить половину «кила» и налить «литр». И только смена календаря увенчалась частичным успехом. Однажды посреди зимы Маркель Неожиданный заявил, что, наблюдая за звездами, обнаружил — старый календарь отстал на целых тринадцать дней, и поэтому Новый год надо праздновать раньше. По этому случаю он повелел пускать фейерверки, наливать простолюдинам вина и простить всем налоги за две неслучившиеся недели. По всеобщему мнению, королю просто хотелось устроить праздник пораньше — но фейерверки... вино... налоги! Так что новый календарь приняли охотно. Но и старый не забыли... что и привело к появлению удивительного по своему названию праздника — Старого Нового года.

Говорят, что на смертном одре старенький король Маркель Неожиданный вздохнул и произнес: «Я слишком рано пришел в этот мир! Он еще не готов был принять мои идеи... но он их примет... А теперь — о главном! Записывайте! Все люди рождаются свободными и равными в своих достоинствах и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства...»

Неизвестно, чего бы еще наговорил король ошалевшим от неожиданности писцам, но, к счастью, его наследник воскликнул: «Что вы стоите, изверги? Отец бредит от боли и жара! Немедленно дайте старику хорошую порцию макового отвара!»

Порция действительно была хорошая, и поздней ночью Маркель Неожиданный мирно отошел в мир иной. По удивительной случайности это произошло как раз накануне

Старого Нового года, что было воспринято всеми как хороший знак и одобрение празднества...

Трикс вздохнул и сел за свой письменный стол. Это был хороший, хоть и старый стол — из мореного дуба, со столешницей, обитой кожей грифона, с тремя выдвижными ящиками слева (один — секретный, но с потерянным давным-давно ключом) и двумя ящиками справа. Ящики пустовали, только в левом верхнем лежала стопка бумаги, а в правом нижнем — запас перьев и ножичек для их очинки.

Раскрыв перед собой великую, хоть и древнюю, книгу по семейной магии, Трикс с выражением прочел:

— «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Это заклинание, плод моих долгих раздумий, можно пользоваться для целей благих и дурных, каковы вам более надобны. Ежели, к примеру, надо внести в семью мир и покой, изреки его громко и ясно, делая особенно упор на первой части — «все счастливые семьи похожи друг на друга». Ну а для привнесения дрязг и раздоров, упор делается на второй части — «каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Употреблять заклинание надо с умом и всевозможным тщанием...

Трикс вздохнул. Наверное, когда-то это и впрямь работало. Хотя если разобраться, то смысла в заклинании не было ни малейшего. Вот, к примеру, местный босгардский кузнец то и дело дубасит свою жену — а между тем семья у них счастливая. А торговец овощами с жены пылинки сдувает — и они тоже счастливы. Ну какая тут похожесть?

Но на всякий случай Трикс переписал заклинание три раза, семь раз произнес вслух и с выражением, после чего принялся писать заданный Щавелем разбор:

«В великих строках своего великого труда великий граф-волшебник поведал великую тайну...»

Разбор заклинания не получался. Трудно писать то, во что совсем не веришь. Трикс опять вздохнул — на этот раз

совсем уж горько, достал чистый лист бумаги и принялся писать письмо домой:

Дорогие мои родители! Герцог и Герцогиня!

Я вас очень люблю. И приключения я очень люблю. И магию тоже. А вы мне не разрешаете ею заниматься. Велите учиться танцам и фехтованию. А это неправильно. Я уезжаю к Радиону Щавелю и буду там жить. Вы за меня не беспокойтесь. Я не пропаду. Я все умею делать и буду вам писать, а на трон мне еще не скоро. Только после папы.

До свидания. Ваш сын — *Трикс Солье*.

Перечитав написанное, Трикс подумал и решил, что все получилось очень правильно — коротко, честно и очень вежливо. Оставалось решить, как отправить письмо домой.

Подумав минуту, Трикс подошел к окну, распахнул его, впуслав свежий морозный воздух, и громко произнес:

— Лети с приветом! Вернись с ответом!

Листок на его ладони слегка дрогнул, но и не подумал улетать. Требовался почтальон. Только где его взять? Вокруг башни волшебника никого не было — ну кто без нужды решится приближаться к такому опасному и непредсказуемому месту? До самого горизонта тянулись заснеженные поля, лишь вдалеке, над невысокими зданиями городишка Босгард тянулись вверх струйки дыма — да вокруг самой башни, вопреки времени года, буйно цвели розы, маки, тюльпаны и прочие любимые Щавелем цветы. Где-то там порхала и Аннет, безнадежно влюбленная в Трикса цветочная фея. Письмо бы она, пожалуй, унесла. Вот только удалившись зимой от башни, немедленно бы замерзла и уснула...

— Птица... — задумчиво сказал Трикс. — Мне нужна птица — сильная и отважная, способная лететь сквозь ночную мглу, сквозь снег и буран. Лететь без усталости и нести мое послание родителям...

С растерянным клекотом откуда-то сверху спикировала огромная белая сова. Трикс даже отшатнулся, когда она уселась на подоконник и недоуменно огляделась вокруг. Из клюва совы торчал мышинный хвостик.

— Ты волшебников не боишься? — на всякий случай спросил Трикс.

Сова сглотнула и подозрительно уставилась на мальчика.

— Отнеси мое письмо в графство Солье, — сказал Трикс. — Вручи лично герцогу Рату Солье. Хорошо?

Сова протянула вперед когтистую лапу. Трикс с некоторой опаской обмотал ее запиской и обвязал обрывком бечевки. Еще раз повторил:

— Значит, в графство Солье, лично герцогу...

Сова посмотрела на него с презрением и вспорхнула с подоконника.

Отправив родителям послание, Трикс сразу почувствовал себя веселее. И пусть в башне он был один-одинешенек, пусть из еды у него имелась только картошка и промерзлый кусок свинины — пища пусть и сытная, но не праздничная. Все-таки какое-то новогоднее настроение стало появляться! Трикс закрыл окно, зажег пару свечей, потому что солнце уже клонилось к закату, и попытался честно выполнить разбор заклинания.

Заклинание упорно сопротивлялось.

Понурившись, Трикс стал изучать столешницу, на которой предыдущие ученики Щавеля оставили свои стенания, заклинания и послания. Несмотря на то, что каждый ученик начинал свое обучение с тщательного мытья стола, хорошие чернила до конца свести не удавалось. Были здесь и жалобы на изучение замшелых магических книг с давно утратившими силу заклинаниями, и едкие замечания в адрес магистра Щавеля, и восторженная ода красавице-жене босгардского барона (Трикс вспомнил старую толстую баронессу и недо-

уменно пожал плечами — по младости лет он никак не мог осознать, что каждая старуха была когда-то прелестной юной девушкой). Все это было уже неоднократно Триксом читано и перечитано, но до сих пор оставалось занимательным.

А потом Трикс заметил кое-что еще.

Под всеми старыми надписями, начисто стертая, шла еще одна надпись — от нее остались только едва заметные царапины на грифоне́й коже. Наверное, свет свечей и последние лучи заходящего солнца легли на столешницу под таким углом, что проявили старые строки.

— Ключ... ключ... под... подоко... подоконником... — прочел заинтригованный Трикс. И сам себя спросил: — Какой еще ключ?

Впрочем, вопрос был излишним. Его комната на ключ не запиралась, ученику дозволялся только засов. Единственный в комнате замок был в потайном ящике стола!

Трикс схватил свечу и присел под единственным узким окном. Заглянул под выступающий подоконник.

Вначале ему показалось, что там ничего нет. Гладко оструганное дерево хоть и было пыльным и заросшим паутиной, но ничего не скрывало. Однако когда Трикс приблизил свечу и паутина с треском сгорела, он заметил, что один кусочек древесины будто бы отличается от других по цвету...

Достав из стола старый, стершийся от времени ножик для очинки перьев, Трикс подковырнул деревяшку. Пошатал немного. Деревяшка неохотно вывалилась, а вслед за ней на пол упал самый настоящий бронзовый ключ — небольшой, но с затейливой бородкой.

С гулко стучащим сердцем, ощущая дыхание близкого приключения, Трикс метнулся к столу. Вставил ключ в замочную скважину — тот легко вошел и точно так же легко повернулся.

Прежде чем выдвинуть ящик, Трикс облизнул пересохшие от волнения губы. Потом потянул за ключ.

Ящик был пуст. Это был небольшой, почти плоский ящик. Без всяких секретов...

Не веря своим глазам, Трикс достал ящик, перевернул — нет ли на днище приклеенного смолой пергамента с могучим древним заклинанием? Простукал ящик со всех сторон — а вдруг найдется двойное дно или секрет в стенках?

Ничего!

Просто пустой потайной ящик!

— Ну это же нечестно! — закричал Трикс. — Это неправильно!

Весь житейский опыт, вся логика подсказывали ему, что если грустящий в одиночестве в праздничный вечер ученик волшебника находит древний ключ — ключ этот должен открыть что-то важное. Потайную дверь. Секретный ящик. Сундук с золотом и драгоценностями, на худой конец!

А тут — ничего.

Трикс задул свечи и мрачно побрел на кухню.

Смеркалось. Ветер к вечеру усилился и башня едва заметно покачивалась под его порывами. Трикс возился на кухне, готовя себе праздничный ужин.

Картошка была почищена и весело булькала в кастрюле с кипятком. Нет, наверное, картошке было вовсе не весело, но людей почему-то всегда радует бульканье готовящейся еды. Кусок свиного окорока Трикс нашпиговал найденной в овощном ларе морковкой и несколькими зубчиками чеснока, натер солью и перцем, проткнул вертелом и подвесил жариться над огнем. Настроение у Трикса снова улучшилось — возможно, причиной были запахи еды, а возможно — опустевший бокал вина.

Волшебник может быть сколь угодно беден, в кладовой у него могут играть в чехарду мыши, а в кошельке — позвякивать пара незаконных (для волшебника!) медных грошей.

Но две вещи обязательно будут у волшебника в достаточном количестве — кофе и вино.

Кофе волшебнику необходим, чтобы, проснувшись поздним утром, сбросить с себя вялость и леность, усесться за рабочий стол и весь день бодро придумывать новые заклинания.

Черед вина приходит вечером, когда хорошо потрудившемуся волшебнику требуется расслабиться, снять напряжение от работы, очистить голову и спокойно отойти ко сну.

Стоит отказаться хотя бы от одного из этих двух компонентов, как работоспособность волшебника резко падает, он становится вялым, раздражительным и ничего достойного придумать не может.

Ходят слухи, что некоторые великие волшебники древности творили свои заклинания, отказавшись сразу и от кофе, и от вина. Но мысль о подобном эксперименте настолько экстраординарна, что повторить его пока никто не рискнул.

Итак, Трикс налил себе еще полбокала и уселся перед очагом, чтобы вовремя поворачивать вертел и не дать мясу пригореть.

(В некоторых мирах и временах, пожалуй, сочли бы предосудительным и достойным порицания, что пятнадцатилетний мальчик запросто попивает вино перед ужином. В оправдание Трикса и мира, где он жил, можно сказать три вещи. Во-первых, попробовав то вино, вы были бы приятно удивлены его легкостью. Во-вторых, попробовав местную воду, вы были бы неприятно удивлены последствиями для желудка. Ну а в-третьих, отберите у своего пятнадцатилетнего сына цветастые жестяные баночки с его любимыми безалкогольными напитками — и внимательно прочтите состав. Вы до сих пор уверены, что бокал вина вреднее?)

Впрочем, этим новогодним вечером Трикс и впрямь собирался пить вино по-взрослому. Ему было одиноко, ему было скучно, все про него забыли — даже Аннет осталась

праздновать Старый Новый год на лугу, в компании других цветочных фей.

Вот если бы сейчас в двери башни постучали... ну, к примеру... родители? Решили проведать непутевого сына и приехали — пять карет, сорок солдат охраны, три телеги с припасами...

Трикс поморщился. По родителям он, конечно, скучал, но не настолько же!

Нет, пусть бы в двери башни постучали... постучала... княгиня Тиана! Она вошла бы вся замерзшая, усталая, покрытая снегом, дрожащая от холода и голода и сказала: «Трикс, мне нужна твоя помощь...» А Трикс усадил бы ее к огню, дал бокал горячего вина с пряностями (из пряностей был только перец, но ведь он поможет согреться?), помог бы ей снять заснеженные одежды...

Трикс почувствовал, что краснеет. Все дальнейшее представляло перед ним в очень волнующем, но каком-то туманном свете. Может, лучше пусть это будет не Тиана? А какая-нибудь другая княгиня, или дочь барона, или та симпатичная рыжая девчонка, дочь мельника... А что, дочь мельника тоже достойна помощи! Вот она стучит в дверь...

БАХ!

БАХ!

БА-БАХ!

Удары были столь сильны, что Трикс подскочил на стуле, вино расплескалось, а вертел заплясал на рогатках. С высокого потолка кухни полетела пыль и посыпались мелкие камешки.

Трикс встал, непроизвольно нащупывая на поясе свою верную заклинательную книгу. Если чья-то дочка и могла так постучаться в двери, то это должна была быть дочка великана. Или сам великан. Что тоже как-то не радовало.

Но тут с потолка донесся легкий скрежет — и Трикс сообразил, что удары доносились не снизу, а сверху! С плоской крыши магической башни!

Трудно было спорить с тем, что это начиналось приключение! Но в то же время — не совсем такое, какого хотелось Триксу. Приключение хорошо, когда оно стучится в дверь и вежливо предлагает отправиться на поиски, а не когда оно валится на голову, так что стены трясутся!

Но делать было нечего. Трикс кинулся наверх по лестнице — вначале в свою комнату, за мантией и посохом, а затем — на крышу башни...

Маленький садик, разбитый на плоской крыше башни, в окружении зубчатых стен, был весь припорошен снегом. Только елочка, которую еще Щавель два дня назад заботливо украсил цветными фонариками, темнела зеленым конусом. Волшебные огоньки на ней неярко мерцали, почти не разгоняя темноту.

Трикс, стараясь как можно громче и увереннее стучать посохом оземь, обошел всю крышу по кругу. Странное дело... никого и ничего...

Вот только почему елочка зеленая? Кто сбил с нее весь снег?

— Кто здесь? Кто посмел тревожить мой покой? — громко и властно (во всяком случае, он на это надеялся) воскликнул Трикс.

Несколько секунд царило молчание.

А потом над головой Трикса раздался громкий и при этом явно приглушенный, будто старались говорить шепотом, голос:

— Ты совсем постарел, Радион Иманил Крион Щавель. Заклинаю тебя твоим истинным именем и требую не совершать никакого зла против меня! Ты совсем постарел, ссохся, стал ниже ростом...

У Трикса сердце упало в пятки. Он стал медленно поднимать голову.

— Ну-ка, елочка, зажгись! — снова громогласно прошептали над головой — и струя пламени ударила в пушистую